том, что для принятия даже неформального решения на столь высоком уровне крайне необходим именно формальный и регламентированный подход. Деятельность шерпов лидеров России и других стран в рамках «Большой восьмерки» – этому прямое подтверждение.

Литература

1. *Лебедева М.М.* Мировая политика. М., 2003. С.301-302.
2. *Примаков Е.М.* Минное поле политики. М., 2007.
3. *Беккер А., Николаева А. В.* Путин уполовинил обязанности А. Илларионова // Ведомости. 2005. 11 января.
4. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М., 2002. С.71.
5. Из интервью И. Кондакова. http: // www.expert.ru /printissues /expert/ 2006 /28/qa_kondakov/

ИМИДЖ ЧИНОВНИЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Анастасия ДОРОФЕЕВА

– аспирантка кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова

Формирование в общественном сознании позитивного имиджа государственных служащих является одной из актуальных проблем власти в условиях становления гражданского общества. От того, как представители власти выглядят в глазах граждан, зависит, насколько эффективным будет взаимодействие власти и народа. Обращение к историческому опыту формирования образа чиновника позволяет по-новому взглянуть на современные отношения власти и общества.

Особый интерес представляет один из ключевых этапов в истории России – конец XIX – начало XX вв., время знаковых событий и социально-политических процессов, период возникновения массового общества и распространения массовой культуры. Именно в ней находили отражение представления, существовавшие в массовом сознании. Эти новые условия поставили перед властью вопрос о необходимости регулировать вопросы, связанные с ее репрезентацией.

Создание продуктов массовой культуры определялось прежде всего интересами коммерческой выгоды. Издатели и кинематографисты выпускали свою продукцию исходя из интересов и потребностей своей аудитории из крупных городов Европейской части, и она расходилась по всей империи. Постоянно увеличивалось число людей, пользующихся всеми формами массовой культуры (массовой литературой, массовой прессой и т.д.), одинаково доступными для представителя любого социального слоя, которые транслировали определенный образ власти.

На данный момент существует мнение, что в России традиционно доминирует негативная оценка чиновников. Чиновничество зачастую ассоциируется со взяточничеством, волокитой, злоупотреблениями служебными полномочиями. Однако если исследовать образцы массовой культуры периода царствования Николая II, можно сделать вывод, что существовал и положительный образ чиновника.

Массовая культура не могла не обойти своим вниманием государственных служащих, особенно крупных общественных деятелей, людей публичных: министры, губернаторы, члены Государственного совета появлялись в кадрах кинохроники и на лубочных картинках. Так, портреты-лубки высших чиновников, издаваемые под надзором государства, должны были способствовать положительному и уважительному отношению к представителям власти. Существовали как парадные портреты, так и постановочные сюжеты: на прогулке в парке, на городских праздниках, на официальных мероприятиях, в окружении домочадцев, часто срисованные с фотографий. В качестве характерных примеров можно привести картинки с портретами министров К.П. Победоносцева, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, московского генерал-губернатора, князя Д.В. Голицына и др. Их портреты постоянно появлялись и на страницах массовой периодики.

Подобные сцены, но уже в движении, присутствуют в кинокадре. Так как отечественный художественный кинематограф находился в процессе становления, образ представителей власти транслировался в основном посредством документальной кинохроники. Показывались различные официальные мероприятия, в которых принимали участие представители высшего чиновничества: встреча французского президента Лубе в Петербурге в 1902 г.; открытие заседания Государственного совета в 1906 г.; торжественное освящение храма Воскресения Христова в Санкт-Петербурге в 1907 г.; открытие памятника Александру III; торжества, посвященные войне 1812 года; празднование 300-летия дома Романовых и многие другие. Эти сюжеты демонстрировались на киносеансах как отдельные киноленты, входили наряду с зарубежной хроникой в выпуски кинематографического «Пате-журнала». Поэтому визуальный образ высшего чиновничества представлялся в самом выгодном свете.

Массовая периодика откликалась на все значительные события общественной жизни, поэтому в ней появлялись статьи, связанные с деятельностью государственных служащих, кадровыми перестановками, юбилейными датами. В основном они носили биографический характер и тоже имели положительную окраску. Однако, помимо этого, периодически печатались и разного рода очерки, фельетоны или даже романы, публикующиеся из номера в номер, героями которых были государственные служащие. Эти произведения создавались в соответствии с распространенными представлениями о том, какие чиновники в реальной жизни.

В массовой литературе представлены различные типажи героев-чиновников. В центре внимания авторов – личность, раскрывающаяся через действия, поступки, межличностные отношения. Среди героев беллетристики, например, часто присутствует ярко выраженный образ идеального чиновника, основные черты которого образованность, компетентность, его уважают начальство и сослуживцы, он стремится сделать хорошую карьеру.

Вот описание типичного представителя: «Иван Степанович Кречетов занимал довольно видное и почетное место в губернском городе и несмотря на свои еще очень молодые годы пользовался уважением и любовью всех, от сослуживцев до подчиненных и от деревенских соседей до своих светских друзей и знакомых. Кончив курс в Московском университете по юридическому факультету со степенью кандидата, Кречетов сейчас же получил хорошее место, которого был достоин и по своему образованию, и по заслугам отца, бывшего в губернии вице-губернатором и оставившего по себе хорошую память, как деятельнаго и умнаго администратора, так равно и прекрасного человека» [1, с.5].

Массовая культура отражала неоднородность самого чиновничества, связанную с делением на группы по «высоте» ступени в табельной лестнице. В зависимости от «класса», разнилось социальное положение государственных служащих, уровень их достатка, условия жизни, не говоря уже о должностных полномочиях. Изображая жизнь высшего чиновничества, авторы дают яркие описания роскошной жизни: дома с богатой обстановкой, экипажи «на резиновых шинах», балы, клубы, карточные игры, поездки за город и

т.п. Все они отражают сложившиеся представления о частной жизни благополучного высшего чиновника.

Но человек в данном случае оценивался с точки зрения соответствия семейным ценностям и требованиям, предъявляемым обществом. Здесь поднималась проблема семейных отношений и занятости чиновника на службе. Часто использовался следующий сюжетный ход: занимаясь работой, карьерным ростом и материально обеспечивая семью, чиновник не уделяет ей должного внимания. Что, в свою очередь, по законам мелодраматического жанра, приводит к семейным проблемам и даже изменам со стороны жен. Мария Крестовская так характеризует мужа своей героини: «Его дела на службе шли прекрасно, повышение за повышением, но зато прибавлялось и работы. Заниматься приходилось не только днем, но и по вечерам; иногда он просиживал за своими бумагами до глубокой ночи. Внутренний мир жены с его душевною работою и ломкой ускользал от его внимания» [2, с.43]. Подобная ситуация воспроизводится и в романах А. Амфитеатрова «В стране любви», где муж-чиновник делает успешную карьеру, а его жена живет и развлекается за границей, или Игнатия Потапенко «Семейная история», когда муж и жена живут собственной жизнью и собственными интересами. В массовой беллетристике именно такие сюжеты составляли завязку романа. Но через них показываются личные качества чиновников. Как правило, высокопоставленный чиновник – человек, полностью погруженный в карьеру и работу, строгий, черствый, без проявлений сентиментальности.

В изображении представителей высшего чиновничества присутствовали и положительные герои, которых можно было уважать за их успешность и жизненные достижения, однако среди чиновников низших классов таких персонажей практически не встречается. Рядовой чиновник не вызывал уважения обывателей, так как по наличию привилегий и материальному достатку находился с ними на одном уровне, а иногда даже ниже. Бедность, жизнь «в кредит», от жалованья до жалованья, невозможность купить себе приличную одежду, экономия на всем и даже голод – так характеризует его образ жизни массовая литература.

В популярном «Московском листке» в сценке «На бульваре» ярко и иронично описывается противоречие между желанием одного молодого чиновника выглядеть модно и его материальной несостоятельностью: «Сидят на скамье два юные чиновника. Один одет франтом, в пальто «Меньшиков», в новой фуражке с кокардой, в палевых перчатках, с тросточкою. Другой беден. На нем очень потертое ватное пальто с недостающими пуговицами и с прорехой под мышкой, панталоны с бахромой и весьма стоптанные сапоги…» [3, с.3] Первый ждет свидания, а второй просит у него взаймы до 20-го числа, грозясь скомпрометировать барышню своим видом и рассказать, что за пальто франт портному до сих пор не заплатил, тот угрожает мировым судьей, квартира тоже не оплачена. А если нет денег, то нет и смысла встречаться с девушками. Так что франту остается только отдать своему вымогателю последние деньги, предназначенные на покупку конфет даме. Вот в такой ироничной форме изображают в прессе жизнь рядовых чиновников современники.

Несмотря на резкий контраст в облике рядового и высшего чиновничества, есть черты, которые были для них общими. Наиболее часто упоминающаяся – стремление отдавать всего себя работе: «Николай Алексеевич был до того завален работой, что выражение «дышать некогда», которое он любил употреблять, шло к нему почти буквально» [4, с.176]. Такая характеристика свидетельствовала о том, что служебный долг для чиновника любого ранга был превыше всего.

Таким образом, чиновник в массовой культуре — это человек, в котором личностные характеристики неразрывно связаны с его профессиональной деятельностью. Яркую характеристику такого типажа дает А. Амфитеатров: «Если с него кожу снять, то под нею еще, наверное, найдется вицмундир с казенными пуговицами» [5, с.10]. Для обывателя чиновник даже в повседневной жизни все равно остается чиновником со свойственными ему качествами.

Внимание массовой культуры и общества обращено не только на социальную составляющую образа чиновников, но и на характеристику их как государственных служащих. Наиболее распространенная тема здесь – проблема принятия взяток. Однако авторы массовой литературы рубежа веков не поднимали ее специально как острую или социально значимую – о взятках упоминалось мимоходом, как об обычном явлении, не требующем акцентирования внимания. Наоборот, случаи отказа от взятки вызывают непонимание в обществе. Так, в рассказе А. Пазухина «Пощечина» чиновник отказывается от взятки и даже гордится этим, но встречает недоумение со стороны жены, наживает себе врага в лице могущественного просителя и попадает в ряд курьезных ситуаций. Сам автор рассказа оценивает этот случай иронично, высмеивая такую ненужную честность.

Таким образом, взяточничество зачастую не только не осуждалось обществом, но и во многом даже провоцировалось. Произведения бульварной литературы показывают философию мещанской жизни с ее приземленными ценностями: «С деньгами человек не живет, а царствует. Обидеть тебя никто не смеет, коли ты богат, потому что всякого в бараний рог согнуть можешь, сам же ты любого человека изобидишь, и от всякого суда откупишься» [6, с.1]. Эта позиция для обывателя объясняла и оправдывала феномен широкого распространения взяток. То есть в существовании этой проблемы было виновато не столько чиновничество, сколько установки общественной психологии.

В целом же имидж чиновничества в массовой культуре может быть рассмотрен в двух плоскостях: как представителей власти, находящихся на государственной службе, и как неотъемлемую часть социальной структуры российского общества. Преобладание негативных характеристик представителей власти было обусловлено рядом причин. Во-первых, действительно существовали случаи принятия взяток, превышения должностных полномочий или волокиты, которые становились объектом справедливой и обоснованной критики. Во-вторых, сама власть вела недостаточную работу по акцентированию внимания общества на положительных сторонах деятельности чиновников и престижности государственной службы.

Как представители одной социальной группы, чиновники показывались в произведениях массовой культуры в контексте разграничения по высоте ступени на должностной лестнице. В массовом сознании существовало два разных образа – образ «высшего» и «рядового» чиновничества. Разрыв между ними представлен, прежде всего, за счет различия в социальном статусе, уровне благосостояния, условиях и стиле жизни, форме проведения досуга. Однако есть черты, которые являются общими для чиновничества: патриархальный уклад и консервативные традиции, политическая лояльность и преданность своему делу.

Образ идеального госслужащего – образованного, пользующегося уважением, хорошего администратора – присущ, прежде всего, высшему чиновничеству. Именно такие личности показаны в кинокадре, на лубочных картинках, в массовой литературе. Что же касается чиновника из низшей, и самой многочисленной, категории гражданских служащих, то он был беден и не пользовался авторитетом среди населения. Гражданская служба для него – это, прежде всего, способ прокормить себя и семью. Именно с этой категорией служащих взаимодействовало население, по их действиям судили о власти и силе закона в стране.

Необходимо отметить, что сами свойства массовой культуры влияют на формирование устойчивого образа чиновничества. Ориентация на «среднего» потребителя и развлекательный характер произведений ведут к примитивизации сложных понятий и явлений, упрощению восприятия, оценочной маркировке по оси «хороший» – «плохой». Тиражность массовой культуры способствует закреплению и дальнейшему распространению стереотипов. Тем не менее образ представителей власти в массовой культуре в конце XIX – начале XX вв. – неоднозначен и многогранен.

Имидж государственных служащих был связан с общественно-политической ситуацией в стране, которая влияла на отношение общества к власти. В периоды социальной нестабильности, первой русской революции 1905-07 гг. увеличивалось количество литературы с критикой чиновничества. А в периоды стабилизации и экономического подъема на первый план выходили положительные качества, их образованность и профессионализм.

К тому же и сама власть стремилась управлять массовой культурой. Благодаря цензуре необоснованная критика конкретных чиновников в печать не попадала, слишком откровенные или беспочвенные обвинения в адрес чиновничества расценивались как оскорбление должностного лица и преследовались по закону. Власть добивалась формирования лояльности прессы за счет различного рода субсидий, заказывала публикацию статьей и лубочных картин определенной тематики, поддерживала повсеместную трансляцию кинохроники официальных мероприятий.

Принимая во внимание исторический опыт, в заключение необходимо отметить, что престиж государственной власти в целом зависит и от образа ее представителей. Поэтому в условиях свободы слова и печати власть должна выстраивать свой имидж, анализируя те представления, которые содержатся в массовом сознании и массовой культуре.

Литература

1. *Пазухин А.М.* В рождественскую ночь// Маленькие рассказы. Вып. 9. М., 1898.
2. *Крестовская М.В.* Ранние грозы. М., 1908.
3. *Комар.* На бульваре // Московский листок. М., 1894. № 93.
4. *Потапенко И.Н.* Секретарь его превосходительства // Повести и рассказы, т.2. М., 1894.
5. *Амфитеатров А.В.* Виктория Павловна. Спб., 1904.
6. *Синее Домино.* Как нажито, так и прожито. Роман из московской жизни // Московский листок. М., 1894. № 92.

ЭКСПЕРИМЕНТ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Анатолий МИРОНОВ

– кандидат юридических наук, доцент Уфимского юридического института МВД России

Один из методов определения социальной обусловленности правовых норм – эксперимент. Это классический способ вычленения роли того или иного фактора из совокупного действия системы взаимосвязанных факторов. Под социальным экспериментом понимается такое исследование объекта, в процессе которого создаются условия (или изыскиваются и группируются существующие), необходимые и достаточные для проявления и измерения интересующей нас связи явлений [1].

Без экспериментов не может существовать ни наука, ни государственная и общественная жизнь, потому что эксперимент – это проба, это иногда даже сознательная провокация – для того, чтобы посмотреть, а что получится, как отреагирует общественная система на то или иное нестандартное решение [2].

Проблема эксперимента как метода научного исследования заключается не столько в технике его осуществления (хотя и зависит во многом, например, от возможностей измерения, от развития измерительных и других инструментов), сколько в степени развития теоретических знаний о рассматриваемом явлении. То есть прежде чем осуществить эксперимент, нужно создать условия для его проведения, он должен быть методологически проработан в соответствии с целью научного познания в данном конкретном случае, методами достижения этой цели, ожидаемыми результатами и возможностями интерпретации последних в свете предлагаемой теории.

Известно, что основным источником информации о социальной результативности правовых норм является социальная практика. Но иногда данных правоприменения недостаточно, а реакция социума на них достаточно размыта, чтобы разработать конкретные предложения по совершенствованию законодательства. Необходимы более глубокие научные исследования эффективности норм права. И ключевым методом в такой ситуации становится социально-правовой эксперимент [3]. Его целевое назначение – определить эффективность действующей юридической нормы и принятой в опытном порядке. Социально-правовой эксперимент в этом случае связан либо с исследованием модели будущей правовой нормы (новизна нормы), либо с выяснением действенности уже существующей, но в новых условиях (новизна условий). В конечном счете, цель социально-правового эксперимента состоит в установлении параметров реакции в реальных условиях определенных государственно-правовых и социальных институтов на те или иные правовые нормы.

Задачами социально-правового эксперимента являются реальная проверка в ограниченно экспериментальной зоне целесообразности реализации того или иного научно обоснованного предложения, направленного на совершенствование законодательства, и отработка будущих вариантов правовых решений общего действия. Например, так было в 2008 году в Уральском федеральном округе, когда проводился правовой эксперимент по применению примирительных процедур для уменьшения нагрузки на судей и увеличения количества судебных решений, исполненных в добровольном порядке [4].

Вместе с тем не стоит сводить социально-правовой эксперимент только к выявлению эффективности правовых норм. В качестве его предмета может выступать значимое, с точки зрения права, взаимодействие экспериментального фактора с факторами, составляющими в своей совокупности объект наблюдения.

Распространенной формой социально-правового экспериментирования служат процедуры, связанные с проверкой эффективности законодательства. Среди их многообразия наиболее оптимальным для выявления полезного эффекта правовых норм можно назвать контролируемый полевой эксперимент. Его объект находится в естественных условиях, в контексте обычной для них среды, с присущими этой среде связями и отношениями. Гносеологическая специфика полевого эксперимента заключается в том, что он одновременно является и методом научного исследования, и способом практического освоения и изменения действительности. Здесь ситуация воздействия экспериментального фактора более близка к естественным условиям, но вместе с тем менее управляема и контролируема. Как способ изучения эффективности законодательства контролируемый полевой эксперимент представляет собой опытную проверку в естественных условиях эффективности действия экспериментальных правовых норм, которые в качестве контролируемого экспериментального фактора вводятся на определенный период в зоне эксперимента.

Полевой эксперимент (идет ли в данном случае речь о законодательном эксперименте или об эксперименте в области реализации права) является наиболее надежным методом эмпирической проверки теоретических гипотез. Однако его осуществление нередко связано с серьезными трудностями материального, правового, этического характера. Поэтому он целесообразен лишь тогда, когда другие приемы исследования «не работают». Во всех остальных случаях следует полнее использовать познавательный потенциал таких методов социально-правового экспериментирования, как эксперимент «экс-пост-факто», естественный эксперимент, лабораторный эксперимент и т.д., которые (в отличие от полевого эксперимента) не связаны с непосредственным преобразованием социально-правовой реальности.

В Российской Федерации проводится ряд экспериментов, регламентация которых осу-